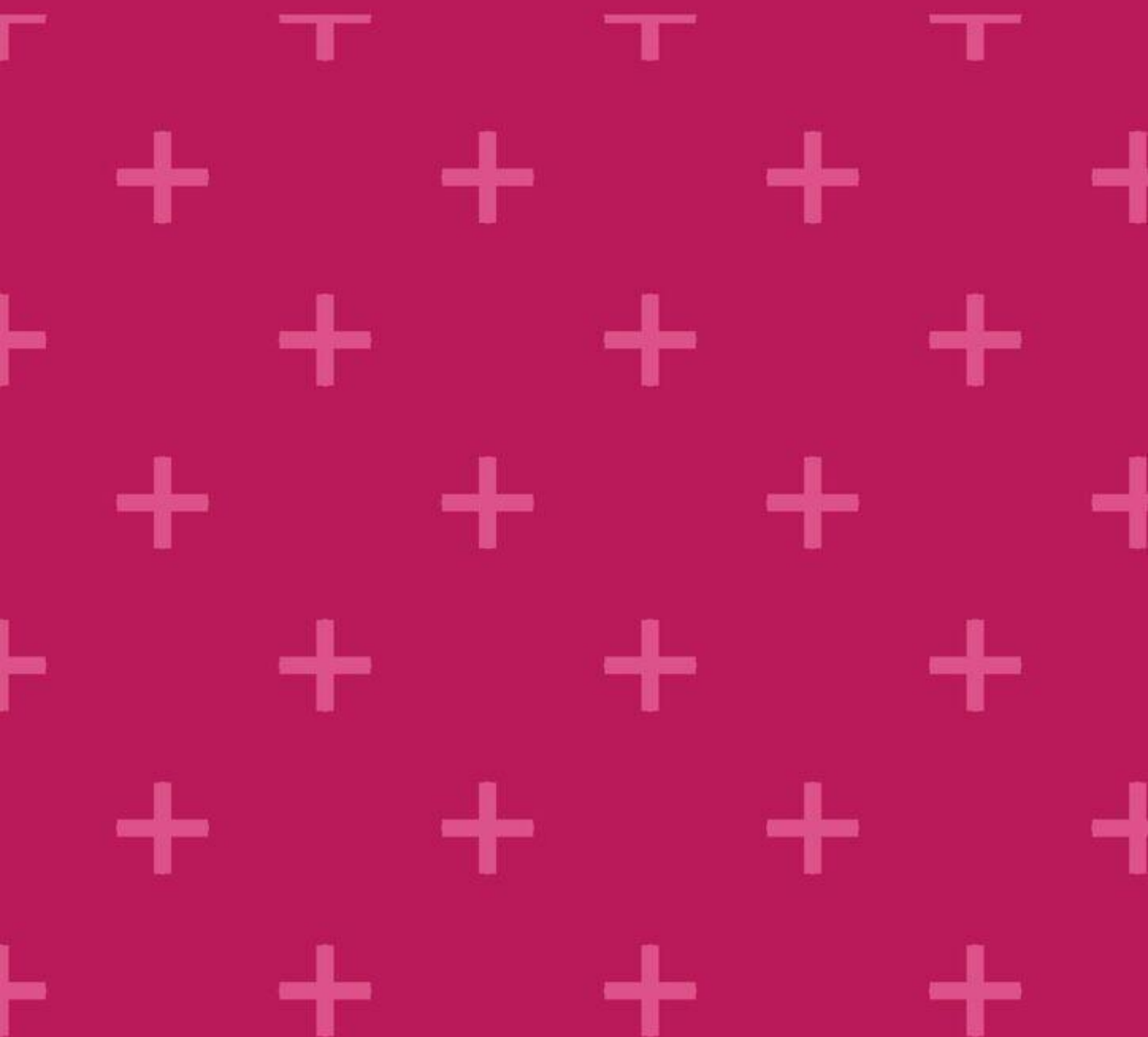


18+

Арина Лорель

Синдром живого зеркала



Арина Лорель

Синдром живого зеркала

«Издательские решения»

Лорель А.

Синдром живого зеркала / А. Лорель — «Издательские решения»,

В мире, где личность лицензируется, а смерть обходится за деньги, инженер по стиранию чужих травм находит в собственном зеркале отражение, которое живёт своей жизнью. Это оцифрованная душа его сестры, запертая корпорацией в параллельном слое реальности. Чтобы освободить её, ему придётся разбить все зеркала. Нью-Токио-Прага, 2158 год. Люди рождаются с нейроинтерфейсами, чувства лицензируются, а смерть — вопрос бюджета. Кирилл Дормер — инженер-корректор: он входит в чужие воспоминания.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Синдром живого зеркала	6
Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Синдром живого зеркала

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-3744-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синдром живого зеркала

Эпиграф: «Зеркало помнит всё. Даже то, чего не было».

Пролог

Прага. За девять лет до начала.

Квартира на четвёртом этаже. Дом с облупившейся лепниной, с подъездом, где пахло сыростью и чужим табаком. Внутри — воск, пыль и слабая горечь кофе. Мать варила его по утрам в медной турке, бабушкиной, с помятым боком. Окна выходили во двор-колодец. Даже в полдень там стоял сумрак. Свет пробивался сквозь тюль устало, будто уставал идти через вековые стены. Эви любила этот сумрак. В нём можно было прятаться. В нём можно было быть одной.

Эви — шесть. Сидела на полу в прихожей. Ноги в шерстяных носках поджаты. Рисовала мелом на грифельной доске. Мать прибила её на высоте роста, чтобы удобно. Дом старый. Скрипели половицы. Двери. Воздух по ночам шевелился, когда никто не смотрел. Эви не боялась. Привыкла к теням по углам. И к зеркалу в прихожей — высокому, в резной раме, с потемневшим стеклом. Оно иногда отражало комнату чуть иначе, чем она выглядела. Не сильно. На волос. На полтона. Но Эви замечала.

Мать звала его «бабушкиным». Висело здесь столько, сколько она себя помнила. Может, дольше. Стекло неровное, по краям волнистое. Долго смотришь — кажется, отражение живёт само. Дышит. Ждёт.

В тот вечер Эви рисовала птицу. Кривую. Одно крыло больше другого. Но птицу. Нарисовала глаз — чёрную точку. Хотела вторую. Подняла взгляд.

В зеркале напротив стояла девочка.

Эви обернулась. За спиной — никого. Стена. Обои в мелкий цветочек. Выцвели до цвета старой бумаги. Снова посмотрела в зеркало. Девочка осталась. Похожа на Эви. Круглое лицо. Тёмные волосы. Две небрежные косички. Но что-то не так. Глаза. Слишком взрослые. Слишком внимательные. И улыбка — едва заметная, уголками губ. Эви не улыбалась.

— Мама? — позвала Эви. Не отводя взгляда.

Мать из кухни. Вытирала руки о полотенце. Усталые глаза. Волосы в небрежном пучке. Посмотрела на дочь. Потом на зеркало. На секунду замерла. Только на секунду. Но Эви увидела.

— Что случилось?

— Там девочка. В зеркале. Смотрит на меня.

Мать подошла. Встала позади. Руки на плечи дочери. В зеркале — обе. Высокая худая женщина с бледным лицом. Маленькая девочка у ног. Другой девочки нет.

— Это отражение, — мягко. — Стекло старое. Искажает. Иногда кажется, видишь то, чего нет.

— Она улыбалась, — упрямо. — А я — нет.

Мать замерла. В глазах — тень. Быстрая. Как птица за окном. Присела. Повернула дочь к себе. Близко. Так, чтобы Эви видела только её лицо. Не зеркало.

— Послушай, Эви. Зеркала в старых домах... они как старики. Путают прошлое и настоящее. Но там ничего нет. Поняла? Ничего.

Слишком твёрдо. Слишком быстро. Эви чувствовала ложь. Как сквозняк под дверью. Мать не верила в то, что говорила. Или верила слишком хорошо. Так верят в то, во что очень хотят верить.

Вечером мать уложила Эви раньше. Поцеловала в лоб. Поправила одеяло. Оставила ночник — сова, стеклянные глаза светятся тёплым жёлтым. Эви лежала. Слушала. В трубах гудела вода. Этажом выше кто-то ходил на каблуках. Во дворе мяукал кот. Она не спала. Ждала.

Чего — не знала. Но воздух был не тот. Тяжёлый. Как перед грозой. Как перед чужим вторжением.

В прихожей зеркало стояло в темноте. Эви его чувствовала. Как дыру в стене. Невидимую. Но осязаемую. Оно смотрело. Даже когда она отвернулась. Даже когда закрыла глаза.

Встала. Босиком. По холодному полу. Через комнату. Приоткрыла дверь. В коридоре темно. Только полоска света из-под двери ванной. Мать, наверное, в душе. Шум воды заглушал всё.

Шаг. Второй. Зеркало ждало.

Остановилась перед ним. В темноте оно казалось глубже, чем должно быть. Стекло — не стекло. Окно. И в окне...

Девочка. Ближе, чем раньше. Почти вплотную к поверхности. Не улыбалась. Смотрела так, будто хотела что-то сказать. Губы шевельнулись. Беззвучно. Но Эви поняла. Или почувствовала. Не слово. Предупреждение.

Беги.

Эви отшатнулась. Сердце в горле. Хотела закричать, позвать маму. Голос пропал. В этот момент — звонок в дверь.

Резкий. Требовательный. Не почтальон. Не соседка. Так звонят те, кто не ждёт, что откроют. Так звонят те, кто знает: откроют всё равно.

Вода смолкла. Шаги матери — быстрые, тревожные. Коридор. Эви стоит. Не двигается. Смотрит на зеркало. Девочка исчезла. Только отражение самой Эви. Бледное. Испуганное. Глаза широко раскрыты.

Мать открыла дверь.

Голоса в прихожей. Низкие. Ровные. Мужские. Эви не разбирала слов. Только интонацию. Вежливую. Но окончательную. Как у врачей, которые говорят: «Мы сделаем всё возможное». Как у людей, которые уже решили.

Вышла в коридор. В дверях — двое. Чёрные пальто. Тёплый вечер, а они в пальто. Шляпы низко надвинуты. Лиц не видно. Только подбородки — гладко выбритые. Руки в перчатках. Один с папкой. Другой — что-то маленькое, блестящее. Медальон? Часы? Эви не успела рассмотреть. Мать загородила.

Мать между ними и Эви. Спина прямая. Плечи напряжены. Не оборачивается. Но Эви видит — пальцы дрожат.

— Эви, — не поворачиваясь. — Иди в комнату. Закрой дверь.

— Мама...

— Иди. Сейчас же.

Один — с папкой — наклонил голову. Посмотрел на Эви поверх плеча матери. Глаза светлые. Почти прозрачные. Как стекло. Как зеркало.

— Это она? — Ровно. Без эмоций.

Мать не ответила. Загородила Эви собой.

— Вы не имеете права. Ей шесть лет. Она ничего не сделала.

— Знаем, — сказал второй. — Поэтому и пришли. Пока она ничего не сделала.

Эви не понимала слов. Понимала страх. Он шёл от матери. Как тепло от печки. Густой. Липкий. Всепроникающий.

Мать обернулась. Лицо белое, как мел. Губы дрожат. Присела. Схватила Эви за плечи. Притянула. Крепко. До боли.

— Слушай. Внимательно. Что бы ни случилось — не смотри в зеркала. Никогда. Поняла? Никогда.

— Мама...

— Обещай.

— Обещаю, — прошептала Эви.

Мать поцеловала. В лоб. В щёку. В другую. Быстро. Лихорадочно. Будто пыталась оставить на коже как можно больше себя. Потом выпрямилась. Повернулась к мужчинам.

— Я возьму пальто.

— Разумеется.

Ушла в комнату. Эви стоит в коридоре. Между двумя в чёрном и зеркалом. Не смотрит на зеркало. Смотрит на носки. На пальцы из-под шерсти. На половицу с трещиной — похожа на реку. На реку, которая никуда не течёт.

Мать вернулась. В пальто. В руках маленькая сумка. Снова присела.

— Я вернусь. Слышишь? Вернусь. Веди себя хорошо. Не открывай дверь никому. Никому, поняла?

— А если не вернёшься?

Мать закрыла глаза. На секунду. Открыла. В них такая боль, что Эви захотелось закричать.

— Тогда... — сглотнула. — Тогда вырастешь. И найдёшь меня. Обещай.

— Обещаю.

Мать встала. Мужчины расступились. Она вышла. Светлоглазый задержался. Посмотрел на Эви. Долго. Потом на зеркало. Усмехнулся. Едва. Одними губами.

— Она права. Не смотри.

Дверь закрылась.

Эви одна.

Стояла в коридоре долго. Час. Два. Свет из-под ванной погас. Мать выключила перед уходом. Темно. Только ночник в комнате — жёлтая полоса на полу.

Эви не плакала. Не умела плакать, когда страшно по-настоящему. Слезы приходили потом. Когда всё заканчивалось. Сейчас ничего не заканчивалось. Только начиналось.

Подошла к зеркалу. Не потому, что хотела. Потому что не могла не подойти. Тянуло. Как колодец тянет бросить камень. Как пропасть тянет шагнуть.

В темноте стекло почти чёрное. Смутный силуэт — свой. Маленькая девочка в ночной рубашке. Одна в тёмной квартире.

Потом...

В глубине что-то шевельнулось. Не отражение. Другое. Свет? Нет. Тень. Тень двигалась сама.

Эви наклонилась ближе. Почти коснулась носом холодного стекла. Оно пахло пылью и чем-то ещё. Старым. Забытым. Как чужая память.

Увидела.

Там, в глубине, за её отражением — женщина. Высокая. Тёмные волосы в пучке. В пальто. С маленькой сумкой.

Мать.

Смотрит на Эви. Плачет. Беззвучно. Слезы текут. Не вытирает. Просто стоит. Смотрит. В глазах — что-то, чего Эви не поняла тогда. Поймёт через девять лет. Поймёт, когда сама научится терять.

Прости.

Эви отшатнулась. Зеркало снова зеркало. Тёмное. Старое. С волнистым стеклом. Никакой матери. Только отражение — бледное, испуганное.

Не заплакала. Не закричала. Не позвала.

Просто стояла. Смотрела. Запоминала.

Той ночью не спала. Сидела на кровати. Обхватила колени. Смотрела на дверь. Ждала. Может, вернётся. Может, ошибка. Может, всё будет как раньше.

Утро пришло серое. Пустое. Квартира молчала. Только часы на кухне тикали. Равнодушно. Размеренно. Отсчитывали время, которое больше никому не принадлежало.

Эви встала. Прошла в прихожую. Зеркало на стене. Такое же, как всегда. Старое. Резная рама. Потемневшее стекло. Больше не двигалось. Не смотрело. Не помнило.

Или делало вид.

Подошла. Посмотрела на отражение. Маленькая девочка. Шесть лет. Тёмные волосы. Круглое лицо. Глаза, которые уже не были глазами ребёнка.

— Я найду тебя, — тихо. — Обещаю.

Отражение кивнуло.

Или сквозняк.

Через девять лет Кирилл встретит Эви в Праге. Он не будет знать, кто она. Она не будет знать, зачем приехала. Но зеркало в старой квартире на Виноградах будет ждать. Оно умеет ждать. Оно помнит всё.

Даже то, чего не было.

Глава 1

Прага, район Жижков. Наши дни.

Кирилл проснулся и не смог собрать своё лицо.

Имя осталось. Возраст — двадцать пять. Прага — полтора года. Съёмная квартира на Кржижовнической, третий этаж, окна во двор. Работа — реставрация витражей. Кофе — слишком много по утрам, слишком крепкий, слишком часто. Даже фотография матери сохранилась в памяти: усталые глаза, тёмные волосы, пучок. Он помнил эту фотографию. Помнил, как она стояла на полке в его прежней жизни. Помнил, как перевозил её в Прагу, заворачивал в свитер, чтобы не разбилась. Но лицо на фотографии было — дыра. Контур, силуэт, а внутри — серое ничто.

Лицо исчезло.

Не как у человека, который просто забыл причёску или цвет глаз. Он помнил, что лицо есть. Знал, что видел его вчера, сегодня, сотни раз. Но собрать не мог. Контур оставался, детали — нет. Как разбитая ваза, осколки которой стали прозрачными. Как слово, которое вертится на языке, но не произносится. Как имя, которое знаешь, но забыл.

Раньше такое уже бывало. Не так сильно. Не так пусто. По утрам, после тяжёлых снов, он иногда не мог вспомнить, как выглядел вчера. Но это проходило. Через минуту, через две. Лицо возвращалось. Сегодня — не возвращалось.

Он сел. Комната тонула в сером утре. Окно во двор, свет скупой, будто процеженный через мокрую марлю. Двор-колодец, старые стены, лепнина, осыпающаяся медленно, как чешуя. Напротив кровати — зеркало. Старое, в деревянной раме, купленное три месяца назад в Голешовицах. Кирилл не жаловал зеркала. Обходил витрины. Отворачивался от тёмных окон. Но квартира маленькая, а бриться где-то надо. Он купил его у старухи, которая сказала: «Из старого дома. Бабушкино. Хорошее стекло». Он не спросил, из какого дома. Не хотел знать.

Он взглянул.

Отражение было. Мятая футболка, всклокоченные волосы, щетина. Молодой мужчина. Обычный. Но когда Кирилл попробовал вспомнить это лицо — то, что видел секунду назад, до поворота головы, — в памяти осталась дыра. Он помнил, что видел. Помнил, что лицо было. Но не помнил какое. Как будто кто-то вырезал кадр из плёнки и склеил оставшиеся части.

Он провёл ладонью по щекам. Кожа тёплая. Нос, брови, подбородок — на месте. Убрал руку — и лицо снова стало чужим. Не уродливым. Не страшным. Просто чужим. Лицо человека, которого он никогда не встречал.

— Не выпался, — сказал он вслух.

Голос прозвучал глухо, будто из-под воды. Кирилл поморщился. Встал. Пол холодный. Батарея под окном едва дышала. Старый дом, старые трубы, старая Прага — ей никогда некуда спешить. Он натянул свитер, сунул ноги в тапки. Пошёл на кухню.

На кухне он включил свет. Лампочка мигнула, загорелась ровным жёлтым. На столе — блокнот. Рабочий. Записи по витражу для костёла Святого Прокোпа. Кирилл пролистал. Его почерк. Наклон вправо, буквы размашистые. Он помнил, как сидел здесь вчера, при настольной лампе, чертил крепления свинцовых перемычек. Помнил, как кончился карандаш. Помнил, как искал запасной. Помнил даже, что запасного не нашёл. Всё помнил. Кроме собственного лица.

Лица не помнил.

Он налил воды в чайник. Поставил на плиту. Обернулся — без причины — и посмотрел в прихожую.

Там висело второе зеркало. Маленькое, круглое, в металлической оправе. Кирилл не помнил, как оно там оказалось. Вроде было всегда. Вроде он сам вешал. Но уверенности не было. Он не помнил, откуда оно. Не помнил, зачем купил. Не помнил, как прибывал гвоздь. Просто — висело. Как будто всегда.

В зеркале отражалась кухня. Стол. Блокнот. Чашка. И он — в дверном проёме, растрёпанный. Отражение запаздывало.

На долю секунды. Может, на две. Кирилл поднял руку — отражение подняло чуть позже. Наклонил голову — отражение наклонило с задержкой. Медленно. Плавно. Будто под водой. Будто за стеклом кто-то ждал, пока он закончит движение, и только потом повторял.

Он замер.

Отражение тоже замерло. Но позже. На полсекунды. На секунду. Достаточно, чтобы понять: это не оптическая иллюзия. Не игра света. Не усталость.

— Так не бывает, — прошептал Кирилл.

Отражение прошептало беззвучно. Губы шевельнулись — но звук не дошёл. Или дошёл, но с задержкой. Или не дошёл вообще. Кирилл не понял. Сердце забилося чаще. В горле стало сухо.

Чайник закипел. Свисток резанул тишину. Кирилл вздрогнул, снял чайник с плиты. Обжёгся о ручку. Выругался. Снова посмотрел в коридор. Зеркало висело как обычно. Отражало как обычно. Кухня. Стол. Чашка. Он. Никакой задержки. Никакого шёпота. Просто зеркало. Просто стекло. Просто старое, кривое, купленное у старухи.

Он стоял с чайником в руке. По спине стекал холодный пот. Вода капала на пол. Он не замечал. Смотрел на зеркало. Ждал.

Ничего.

Тишина. Только часы на кухне тикали. Равнодушно. Размеренно.

Днём Кирилл работал. Мастерская — подвал на Виноградской. Низкие потолки, сырость, запах стекла, свинца и старой пыли. Перед ним лежал фрагмент витража — окно костёла, побитое временем и голубями. Он пытался сосредоточиться. Мысли возвращались к утру. Задержка отражения. Лицо, которое не вспомнить. И сон. Он никогда не помнил снов. Но сегодня, проснувшись, чувствовал: видел что-то важное. Оно стёрлось. Как лицо в зеркале. Как слово на языке. Как имя, которое знаешь, но забыл.

— Кирилл. Ты меня слышишь?

В дверях — Магда. Высокая, лет сорока. Короткие седые волосы. Руки пахнут скипидаром. Начальница, наставница, пожалуй, единственный человек в Праге, кого он мог назвать другом. Она смотрела внимательно. Слишком внимательно. Как смотрят на человека, который вот-вот упадёт.

— Прости, — сказал он. — Задумался.

— Бледный ты, — Магда подошла ближе. — Опять не спал?

— Спал. Утро странное.

— Странное? — Она наклонила голову. — Как странное?

Кирилл хотел сказать. Про зеркало. Про задержку. Про лицо. Но слова не шли. Как будто кто-то держал их внутри. Как будто, если он скажет, что-то сломается. Что-то важное. Что-то, что пока держит его в этом мире.

— Просто не выспался, — сказал он. — Бывает.

Магда смотрела. Долго. Потом кивнула. Но в глазах осталась тревога. Острым осколком. Незаметным для того, кто не знает.

— С креплениями закончил?

— Почти. Швы зачистить.

— Хорошо. — Пауза. — Кирилл, ты давно в зеркало смотрелся?

Вопрос слишком прямой. Кирилл нахмурился.

— Утром. А что?

Магда покачала головой. Медленно. Как будто решала, говорить или нет. Не сказала. Пошла к выходу. У двери остановилась. Овернула. Лицо в полумраке — тени, морщины, усталость. Она хотела что-то сказать. Он видел, как слова собираются у неё на губах. Как она их глотает. Как не решается.

— Если увидишь что-то необычное — скажи мне. Ладно?

— Что именно?

— Что угодно. — Она помолчала. — Тени. Отражения. Сны. Всё, что покажется странным. Обещай.

— Хорошо, — сказал он. — Обещаю.

Она кивнула. Ушла. Дверь закрылась. Кирилл остался. На стекле витража, в свинцовой оправе, дрожал свет лампы. И его лицо — смутное, искажённое, как в воде. Он посмотрел. Отражение посмотрело. Синхронно. Идеально. Никакой задержки. Никакого шёпота.

Он отвернулся. Работал до вечера. Не поднимал глаз. Не смотрел на стекло. Боялся.

Вечером он вернулся домой. Квартира встретила тишиной и запахом старой мебели. Кирилл снял куртку, повесил на крючок. Прошёл в комнату. Включил свет. Зеркало на стене — большое, в деревянной раме — висело как обычно. Отражало комнату. Кровать. Шкаф. Окно. Его. Кирилл подошёл. Посмотрел. Мужчина двадцати пяти лет. Тёмные волосы, тёмные глаза, прямой нос. Обычное лицо. Но запомнить его снова не получилось. Мозг отказывался хранить изображение. Как будто лицо было не для памяти. Как будто оно существовало только в момент взгляда.

Он протянул руку. Коснулся стекла.

Оно было тёплым.

Не холодным, как должно быть. Тёплым. Как кожа. Как ладонь к ладони. Как щека к щеке. Кирилл отдернул руку. Сердце забило быстрее. Он снова посмотрел в зеркало — и увидел не только себя. За его отражением, в глубине комнаты, стояла женщина. Высокая. Тёмные волосы в пучке. Усталые глаза. Пальто. Маленькая сумка. Мать.

Он не помнил её лица. Но знал: это она. Так же точно, как знал своё имя. Так же точно, как знал, что Прага — это Прага. Так же точно, как знал, что дышит.

Женщина смотрела. Беззвучно. Слёзы текли по щекам. Она не вытирала их. Не отводила глаз. Смотрела так, будто пыталась запомнить. Будто прощалась. Будто знала, что больше не увидит.

— Мама? — прошептал Кирилл.

Она открыла рот. Что-то сказала. Он не услышал. Но понял. Губы шевельнулись. Медленно. Отчётливо. Он прочитал по губам. Одно слово.

Беги.

Зеркало потемнело. Изображение исчезло. Осталось только его отражение — бледное, испуганное. Глаза широко раскрыты. Руки дрожат. Он стоял, не двигаясь. Смотрел. Ждал. Может, вернётся. Может, ошибка. Может, показалось. Ничего. Тишина. Только его дыхание. Только сердце. Только часы на кухне.

Кирилл отшатнулся. Спинай задел стол. Чашка упала, разбилась. Осколки брызнули по полу, сверкая в свете лампы. Он стоял, тяжело дыша. Смотрел на зеркало. Ждал. Ничего. Тишина. И его дыхание.

Ночью он не спал. Сидел на кровати. Включил все лампы — настольную, торшер, даже в коридоре. Свет не помогал. Тени оставались. В углах. За шкафом. Под кроватью. Они не двигались. Но были. Он чувствовал их. Как чувствуют чужой взгляд. Как чувствуют присут-

ствие. Как чувствуют, что ты не один. Около трёх Кирилл услышал звук. Датчик влажности — маленькая пластиковая коробочка на стене, купленная пару недель назад, с зелёным индикатором — вдруг замигал. Ритмично. Три коротких. Три длинных. Три коротких.

SOS.

Кирилл смотрел, не веря. Датчик влажности не умел передавать сигналы. У него не было такой функции. Он измерял влажность и мигал, если она выше нормы. Но он мигал. Ритмично. Осмысленно. Три. Три. Три. Как сердце. Как пульс. Как чей-то голос из темноты. Кирилл встал. Подошёл. Взял датчик в руки. Индикатор продолжал мигать — в ладонях, как маленькое сердце. Тёплый. Живой.

Потом звук изменился.

Из зеркала — большого, на стене — донёлся плач. Тихий. Детский. Кирилл обернулся. Медленно. Зеркало отражало комнату. Всё как обычно. Кроме одного: на кровати, в отражении, сидел ребёнок. Маленькая девочка. Лет шести. Тёмные волосы, две косички. Она плакала. Беззвучно. Но он слышал. Слышал отчётливо. Будто она была здесь. В этой комнате. В этом мире. Будто она была рядом. Будто она была — его.

Кирилл шагнул к зеркалу. Протянул руку. Ладонь коснулась стекла. Оно было тёплым. Под ладонью что-то билось. Ритмично. Как сердце. Как пульс. Как чужое дыхание. Плач стал громче. Девочка подняла голову. Посмотрела на него. Глаза полные слёз. Губы шевельнулись. Одно слово. Он не услышал. Но понял.

Помоги.

Кирилл стоял, прижав ладонь к тёплому стеклу, и слушал, как плачет девочка, которой не было. Девочка, которую он не знал. Девочка, которая смотрела на него из глубины зеркала — и видела. Видела его. Знала его. Ждала его.

— Кто ты? — прошептал он.

Она не ответила. Только плакала. Только смотрела. Только ждала.

Часы на кухне тикали. Он не слышал их. Плач стих. Датчик влажности погас. Лампа мигнула и снова загорелась. Кирилл отнял руку. Стекло стало холодным. Обычным. Нормальным. Но он знал: оно запомнило. Зеркало помнит всё. Даже то, чего не было.

Он вернулся на кровать. Сел. Обхватил колени. Смотрел на зеркало. Не отводил глаз. Ждал. Может, вернётся. Может, скажет. Может, объяснит. Может, ответит на вопрос, который он не решался задать вслух. Кто она? Почему плачет? Почему он чувствует её так, будто знает всю жизнь? Будто она — часть его. Будто она — его. Будто он — её.

Утро пришло серое. Пустое. Квартира молчала. Только часы на кухне тикали. Равнодушно. Размеренно. Отсчитывали время, которое больше никому не принадлежало. Кирилл встал. Прошёл в прихожую. Зеркало на стене. Такое же, как всегда. Старое. Резная рама. Потемневшее стекло. Больше не двигалось. Не смотрело. Не помнило. Или делало вид.

Он подошёл. Посмотрел на отражение. Мужчина двадцати пяти лет. Тёмные волосы. Тёмные глаза. Прямой нос. Лицо, которое он не мог запомнить. Лицо, которое он никогда не видел. Лицо, которое принадлежало ему — и не принадлежало. Он смотрел. Отражение смотрело. Синхронно. Идеально. Никакой задержки.

— Я найду тебя, — тихо сказал он. — Кем бы ты ни была. Обещаю.

Отражение кивнуло. Или сквозняк.

Глава 2

Прага, район Жижков. Вторник, 11:42.

Очнулся он в кресле.

Не в постели. У окна. Блокнот на коленях. Карандаш зажат в онемевших пальцах. Свет резкий, белёсый. Такой бывает в Праге в конце ноября — небо превращается в матовый колпак, солнце будто выключили до весны. За окном двор-колодец, серые стены, чей-то забытый велосипед у мусорных баков. Тишина. Только капли с карниза. Ровно. Как метроном.

Первым делом он посмотрел на пол.

Осколки чашки лежали на месте. Мелкие, острые, по половицам. В свете утра они блестяли, как крошечные зеркала. Значит, вчерашнее не приснилось. Или приснилось так, что оставило следы.

Он поднялся. Колени хрустнули. Спина затекла — просидел в кресле всю ночь, скрючившись над блокнотом. На странице — почерк, неровный, торопливый. Гипотезы. Вопросы. Восклицательные знаки. Он не помнил, как писал это. Помнил только, как сел. Дальше — провал. Как в зеркале. Как в памяти. Как в жизни.

Прошёл на кухню, включил чайник. Вернулся в комнату. Взглянул на зеркало.

Обычное. Старое. По краям мутноватое. Отражало комнату: кровать, шкаф, окно, его. Никакой задержки. Никакой женщины. Никакой девочки. Только мужчина двадцати пяти лет в мятой футболке. Тёмные круги под глазами. Щетина. Волосы, которые давно просили расчёски.

Кирилл подошёл ближе. Заставил себя смотреть.

Тридцать секунд. Минуту. Стоял и пытался запомнить лицо. Нос. Глаза. Линию подбородка. Родинку над левой бровью — она у него была, он точно знал. Вот она, в отражении. Видит. Запоминает. Держит в памяти пять секунд. Десять.

Отвернулся — и не смог вспомнить.

Знал, что родинка есть. Знал, где. Но увидеть не мог. Представить не мог. Память хранила не картинку. Подпись к картинке. Опись. Список характеристик. Не сам образ. Как будто кто-то вырезал фотографию из альбома и оставил только подпись под ней. «Мать. Усталые глаза. Тёмные волосы. Пучок». Хорошо. А как она выглядела? А лицо? А улыбка? Молчание.

Кирилл выдохнул. Сел на край кровати. Взял блокнот.

****Гипотеза 1. Недосып.**** Провалы в визуальной памяти — известный симптом. Переутомление, стресс, хроническое недосыпание. Он работал семь дней в неделю последний месяц. Спал по пять часов. Кофе литрами. Много объясняет. Провалы в памяти, задержки восприятия, слуховые галлюцинации. Всё сходится.

Галочка. Рядом — вопросительный знак. Слишком удобно. Слишком просто.

****Гипотеза 2. Оптическая иллюзия.**** Зеркало старое. Стекло неровное. Амальгама местами повреждена. Задержка отражения — эффект запаздывающего изображения. Если смотреть через два зеркала под углом или через толстое стекло с разной плотностью... Да. Технически возможно.

Зачеркнул. Технически невозможно. Отражение — не видеозапись. Свет идёт от объекта, отражается, попадает в глаз. Запаздывать не может. Если только...

Кирилл остановился. Если только свет не проходит через среду, где скорость меняется. Через кварц. Через кристалл. Через то, что искажает время.

Он вспомнил лекцию по материаловедению. Третий курс, скучный профессор, вечная мерзлота в аудитории. Кварцевое стекло умеет запоминать. Не мистически — физически.

Кварц — пьезоэлектрик. Давление превращает в электричество и обратно. Если пропустить сигнал — удержит. На доли секунды. На микросекунды. Но удержит. А если сигнал сильный? Если он повторяется? Если он — образ? Лицо? Целый человек?

Амальгама. Серебро. Стекло. Кварцевый слой.

Кирилл отложил карандаш. Посмотрел на зеркало. Висело на стене. Невинное. Старое. Краска на раме облупилась. В углу — паутина. Бабушкино зеркало. Из старого дома. Из чьей-то жизни. Из чьей-то смерти.

— Устал, — сказал он вслух. — Просто устал. Воображение разыгралось.

Отражение сказала то же. Беззвучно. Вовремя.

Звонок — в 13:20.

Кирилл пытался работать. Разложил фотографии витража. Сделал эскизы. Линии кривые. Мысли кривее. Телефон завибрировал. Номер незнакомый. Чешский код. Он смотрел на экран три секунды, прежде чем ответить. Не хотел. Не знал почему.

— Да?

— Кирилл Северин? — Голос женский. Ровный. Чуть с акцентом. Не чешским. Мягкие согласные, длинные гласные. Японский, решил он. Или корейский. — Ида Хираоки. Институт прикладной сенсорики. Несколько вопросов.

Кирилл нахмурился. Институт прикладной сенсорики. Звучало солидно. Слишком солидно для звонка в двадцать минут второго.

— Я заявок не подавал.

— Знаю, — сказала она. — Мы работаем по городскому мониторингу. Вы установили датчик влажности S-7. Верно?

Пауза.

— Да, — сказал Кирилл. — Пару недель назад. В хозяйственном.

— S-7 снят с производства. Мы отслеживаем партию. Замечали что-нибудь необычное в работе?

Кирилл посмотрел на стену. Датчик висел. Серая коробочка. Индикатор не мигал. Всё нормально. Никаких SOS. Никаких ритмов. Никаких сигналов. Просто датчик влажности. Просто пластик. Просто ничто.

— Нет, — сказал он. — Работает как обычно.

Ложь вышла гладко. Слишком гладко. Он сам удивился. Как будто кто-то другой сказал за него. Кто-то, кто умел врать. Кто-то, кто делал это часто.

— Понятно, — сказала Ида. Ни разочарования. Ни облегчения. Ровная вежливость. Слишком ровная. — Ещё вопрос. Вы живёте на Кржижовницкой, четырнадцать. Сектор 4-К.

— У домов есть секторы?

— Внутренняя классификация. — Пауза. — В 4-К на этой неделе дезинфекция. Техническая. Просим жильцов в четверг с восьми до восемнадцати не находиться в квартирах.

— Дезинфекция чего?

— Профилактика вентиляционных шахт, — сказала Ида. — Стандартная процедура. Расходы покрывает институт.

Кирилл усмехнулся. Вентиляционные шахты. Стандартная процедура. Институт прикладной сенсорики. Всё сходилось. Слишком складно.

— Институт сенсорики занимается вентиляцией?

Пауза. Долгая. В трубке — едва заметный шум. Аппаратура. Писк. Ровный, повторяющийся. Как датчик влажности. Как SOS. Как сердце.

— Профиль широкий, — сказала Ида. — Кирилл, ещё момент. В базе два случая... назовём это зеркальным синдромом... за неделю. Оба в вашем секторе. Оба в старых домах. Не замечали подобного?

— Что такое зеркальный синдром?

— Задержка отражения, — ровно. — Смещение изображения. Отражение, не совпадающее с оригиналом. Или содержащее элементы, которых в реальности нет.

Кирилл молчал. Часы на кухне тикали. За окном каркала ворона. Во дворе кто-то включил музыку — далёкую, приглушённую, чужую. Мир жил. Мир не знал. Мир не спрашивал.

— Нет, — сказал он. — Не замечал.

— Хорошо, — сказала Ида. — Если заметите — вот номер.

Она продиктовала. Он не записал. Смотрел на зеркало. Отражение смотрело на него. Синхронно. Идеально. Никакой задержки. Никаких женщин. Никаких девочек. Просто он. Просто лицо, которое он не мог запомнить.

— И последнее. Вы работаете с витражами?

— Да.

— Иногда привлекаем специалистов по стеклу. Возможно, свяжусь позже. По другому вопросу.

— По какому?

— По кварцевому слою, — сказала Ида. — Вы знаете, что в старых пражских зеркалах есть кварцевый слой?

Трубка смолкла раньше, чем он успел ответить. Гудки. Длинные. Ровные. Как тиканье часов. Как писк датчика. Как детский плач за стеной.

Кирилл сидел с телефоном. Смотрел на зеркало.

Кварцевый слой. Он знал. Конечно, знал. Старые пражские зеркала — восемнадцатый, девятнадцатый век — делали на кварцевой основе. Амальгама на стекле. Но между стеклом и серебром — тонкий слой кварца. Для прочности. Для ровности. Для долговечности. Кварц дешевле качественного стекла. И кварц удерживает информацию.

Не мистически. Физически. Пьезоэлектрический эффект. Кристаллическая решётка. Способность сохранять колебания. Звук. Свет. Образ. Лицо. Память. Всё, что когда-либо отражалось. Всё, что когда-либо смотрело. Всё, что когда-либо было.

Он встал. Подошёл. Посмотрел на раму. Дерево потемнело. Трещины. Внизу — маленькая латунная пластинка. Наклонился. Всмотрелся. Гравировка почти стёрлась: **«К. I. 1887»**.

Восемьдесят седьмой. Больше ста тридцати лет назад. Зеркало старше дома. Старше всех, кто в нём жил. Старше самой памяти о тех, кто в него смотрел. Кто плакал перед ним. Кто смеялся. Кто умирал. Кто родился. Кто смотрел и не видел. Кто видел и не понимал.

Кирилл коснулся стекла.

Холодное. Нормальное. Ни тепла. Ни пульса. Ни девочки. Ни женщины. Ничего.

Стоял так минуту. Две. Убрал руку. Вернулся к столу. Сел. Открыл блокнот. Страница с гипотезами. Почерк неровный. Кружки. Зачеркивания.

Гипотеза 3, написал он. **Кварцевый слой. Резонанс.** Если в зеркале есть кварц, он может запоминать изображения. Как магнитная лента. Если есть внешний источник энергии — свет, тепло, электричество, — изображение воспроизводится. С задержкой. С искажениями. С наложением. С чужими лицами. С чужими голосами. С чужими жизнями.

Зачеркнул. Слишком похоже на бред. Слишком похоже на то, во что не хотелось верить. Слишком похоже на правду.

Гипотеза 4. **Я схожу с ума.**

Смотрел долго. Обвёл кружком. Перечеркнул. Снова обвёл. Внизу приписал: «Или мир сходит. Или то, что я вижу — настоящее. Или то, что я помню — ложь».

Вечером позвонил Магде.

Он не хотел. Не собирался. Просто руки сами набрали номер. Просто голос сам сказал. Просто страх оказался сильнее гордости.

— Слышала когда-нибудь о зеркальном синдроме? — буднично. Слишком буднично. Как будто спрашивал о погоде. Как будто не знал ответа.

Пауза. Долгая. Слишком. В трубке — дыхание. Магда молчала. Секунду. Две. Три. Он слышал, как она думает. Как решает. Как выбирает слова.

— Где услышал? — спросила Магда.

— В интернете. Статья.

— Кирилл.

— Что?

— Я не люблю врать. — Тихо. — И тебе не буду. Поэтому так: слышала. И тебе не советую интересоваться.

— Почему?

— Потому что те, кто интересуется, — сказала Магда, — потом долго не могут смотреть в зеркало. Не потому, что боятся. Потому что оно смотрит в ответ.

Пауза. Долгая. Он слышал, как она дышит. Как собирается сказать что-то ещё. Как не решается.

— Магда. Что ты знаешь?

— Ничего. — Слишком быстро. — Ничего конкретного. Просто... слухи. Старые слухи. Прага полна старых слухов. Старых зеркал. Старых домов. Старых людей, которые помнят то, чего не было.

— Магда.

— Кирилл. — Голос твёрдый. Как тогда, в мастерской. — Не смотри в него слишком долго. Пожалуйста.

Трубка смолкла. Гудки. Длинные. Ровные. Он сидел в тёмной комнате. Свет не включал. Уличный фонарь бросал на стену жёлтое пятно. В пятне — зеркало.

Тёмное. Обычное. Нормальное.

Но когда он закрыл глаза — услышал. Далеко, на границе слуха. Детский плач. Тонкий, прерывистый. Будто девочка плакала за стеной. Или в стене. Или в кварцевом слое, который помнил всё. Который хранил всё. Который ждал.

Открыл глаза.

Зеркало отражало комнату. На кровати, в отражении, лежал блокнот. Открытый. На той странице, где гипотезы. Только что он был закрыт. Он помнил, как закрывал его. Помнил, как клал на стол. Помнил. Точно помнил.

Кирилл подошёл. Открыл. Страница та же. Гипотезы. Кружки. Зачеркивания. Всё как он оставил.

Но внизу, под последней строчкой, — новая запись. Чужим почерком. Неровным. Детским. Буквы крупные, наклон неровный, как у первоклассницы. Как у девочки, которая только учится писать.

**«Она ищет тебя. Не смотри на неё». **

Кирилл закрыл блокнот. Положил на стол. Руки дрожали. Он смотрел на зеркало. Отражение смотрело на него. Синхронно. Идеально. Никакой задержки.

Но в глубине, за его отражением, в тёмном углу комнаты, что-то шевельнулось. Маленькое. Тихое. С косичками.

Он не стал смотреть. Отвернулся. Пошёл на кухню. Налил воды. Выпил залпом. Стоял у окна. Смотрел на двор. На мокрый асфальт. На чужой велосипед. На мир, который ещё не знал. Который ещё спал. Который ещё не проснулся.

За спиной, в комнате, блокнот лежал на столе. Закрытый. Обычный. Молчащий.

Но через минуту — Кирилл услышал. Тихий шелест страниц. Будто кто-то перелистывал. Медленно. Осторожно. Пальцами, которые не умели держать карандаш. Пальцами, которые не умели писать. Пальцами, которые учились.

Он не обернулся.

Знал: если обернётся — увидит. Если увидит — запомнит. Если запомнит — уже не забудет.

Ночью он спал. Впервые за три дня. Глубоко. Без снов. Без плача. Без зеркал.

А утром, когда открыл глаза, на стене — там, где висело зеркало, — не было ничего. Только прямоугольник выцветших обоев. Тёмный. Пустой. Как будто зеркало сняли. Как будто его никогда не было.

Он подошёл. Коснулся стены. Холодная. Обычная. Никакого гвоздя. Никакой рамы. Никакого стекла.

Внизу, на полу, лежала маленькая латунная пластинка. Гравировка стёрлась почти полностью. Но две буквы ещё читались.

****«Э. Н.»****

Эвелина Новак.

Он не знал это имя. Никогда не слышал. Но когда прочитал — сердце сжалось. Как от боли. Как от потери. Как от памяти, которой не было. Как от жизни, которую не жил.

Он положил пластинку в карман. Оделся. Вышел. На улице шёл дождь. Настоящий. Холодный. Ноябрьский. Он поднял лицо. Капли по щекам. Как слёзы. Как чужое горе. Как девочка, которая плакала в кварцевом слое.

Он не обернулся. Не посмотрел на окна. Не стал искать отражения в лужах.

Он просто пошёл. Вперёд. В город. В день. В жизнь, которая уже никогда не будет прежней.

Глава 3.

Четверг. 07:50.

Кирилл вышел раньше, чем требовалось.

Кржижовницкая в этот час пустовала. Только трамвай внизу, на Комарове, лязгнул — стёкла в окнах дрогнули, и в этом лязге было что-то предупреждающее. Он шёл без спешки, хотя спешить было некуда. Институт просил освободить квартиру к восьми. Он и собирался к восьми. Вышел в семь пятьдесят.

Потому что не хотел лишней минуты в комнате с зеркалом.

Ночь прошла без сна. Он сидел в кресле. Смотрел не на зеркало — на стену рядом. Слушал. Плач не вернулся. Датчик молчал. Блокнот лежал закрытым и больше не открывался. Всё тихо. Нормально. Обыкновенно. И именно это пугало сильнее всего. Затишье перед грозой. Пауза перед ударом. Он знал такие паузы. Они бывали в его жизни раньше. Давно. В другой жизни. В той, которую он не помнил.

Куртка. Сумка с ноутбуком. Замок щёлкнул. Кирилл постоял на площадке. Обернулся. Посмотрел на свою дверь. Ничего. Обычная дверь. Обычная лестница. Обычный дом. Только почему-то казалось: дверь смотрит. Не глазок. Не петли. Сама деревянная поверхность. Как будто за ней кто-то стоял и ждал, когда он уйдёт.

Он спустился.

У подъезда стоял фургон.

Белый. Без надписей. Окна затемнены. Двигатель работал — тихо, ровно, почти неслышно. Рядом — двое в серых комбинезонах. Ни нашивок, ни логотипов. Серая ткань. Серая обувь. Серые перчатки. Один с планшетом. Второй с длинным металлическим чемоданом. Лица спокойные. Слишком спокойные. Как у людей, которые делают это каждый день. Которые знают, что делать. Которые не задают вопросов.

Кирилл замедлил шаг. Они не смотрели. Ни на него. Ни друг на друга. Просто стояли и ждали. Как будто ждали именно его. Как будто знали, когда он выйдет. Как будто рассчитали.

Он прошёл мимо. Свернул за угол. Только тогда оглянулся.

Фургон стоял. Двое стояли. Из подъезда вышел третий — такой же серый, но с чем-то в руках. Плоское. Прямоугольное. Зеркало? Похоже. Нёс бережно. Как икону. Как реликвию. Как что-то, что нельзя уронить. Он завернул его в серую ткань. Уложил в фургон. Закрыв дверцу.

Кирилл отвернулся. Пошёл дальше. Руки в карманах. Пальцы сжаты. Ногти в ладони.

****08:40. Кафе на Островной.****

Он сидел у окна. Кофе остыл. Ноутбук не открыт. Чашка стояла нетронутая, только край мокрый — он один раз пригубил и забыл.

Отсюда видно начало Кржижовницкой. Не всю — хватало. Он смотрел, как к четырнадцатому подъехал второй фургон. Потом третий. Как вышли люди в сером. Как вошли в подъезд. Как на окнах второго этажа — не его этажа, соседского — задёрнулись шторы. Хотя никто из жильцов их не трогал. Шторы двигались сами. Медленно. Как под водой.

Он пил кофе и смотрел.

Официантка спросила, не нужно ли ещё. Он не ответил. Она ушла. Он остался. Время шло. Люди на улице шли. Трамваи лязгали. Мир жил. Мир не знал. Мир не хотел знать.

В 09:15 из подъезда вышел человек.

Не в сером. В тёмно-синем. Капюшон низко надвинут. В руках рюкзак. Шаг быстрый, пружинистый. Сел в неприметную машину у тротуара. Уехал. Машина — серая, безликая, как всё остальное. Но человек — другой. Слишком уверенный. Слишком точный. Слишком знающий.

Кирилл проводил взглядом. Что-то знакомое в фигуре. В движениях. В том, как он шёл — не оглядываясь, не сомневаясь. Так ходят люди, которые знают, что делают. Так ходят люди, у которых нет выбора. Так ходят люди, которые уже решили.

Открыл ноутбук. Сайт Института прикладной сенсорики. Страницы: «О нас», «Публикации», «Контакты». Стерильно. Ни слова о зеркалах. Датчики, сенсоры, мониторинг среды. Скучно. Правильно. Безопасно. В разделе «Команда» — фотография.

Ида Хираоки. Тридцать восемь. Короткие тёмные волосы. Узкое лицо. Спокойные глаза. Белый халат. Рядом, на групповом снимке, — мужчина в тёмно-синей куртке. Капюшон откинут. Лицо вытянутое, худое, тяжёлая челюсть. Глаза светлые. Почти прозрачные. Как стекло. Как зеркало.

Подпись: ****«Т. Вранек, специалист по полевым операциям»****.

Кирилл закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. Фургоны стояли. Серые работали. Вранек уехал. Куда? Зачем? К кому?

Он не знал. Но чувствовал: это связано. Всё связано. Фургоны. Зеркала. Девочка. Датчик. Плач. Всё — одна нить. И он — часть этой нити. Хочет он того или нет.

****10:30.****

Возвращаться он не планировал. План простой: дожждаться шести, уйти в мастерскую, работать, вечером домой. Не приближаться. Не смотреть. Не думать. Но ноги привели на Кржижовницкую. Сами. Как будто кто-то вёл. Как будто зеркало тянуло. Как будто девочка звала.

Он стоял в арке напротив. Смотрел.

Работа шла на всех этажах. Люди в сером выносили вещи: мебель, коробки, одежду. Складывали в фургоны. Аккуратно. Бережно. Не изымали — переезжали. Как будто жильцов не выгоняли, а переселяли. Как будто всё по-хорошему. Как будто так надо. Как будто никто не против.

На третьем этаже, в окне, — женщина. Пожилая, седая. Стояла у стекла. Смотрела вниз. За спиной — человек в сером. Просто стоял. Не трогал. Не говорил. Ждал.

Женщина подняла руку. Коснулась стекла. Медленно. Как будто прощалась. Как будто напоминала. Как будто знала: больше не увидит.

Человек за спиной сделал то же. Одновременно. Зеркально.

Кирилл смотрел. Потом отвёл взгляд.

И увидел девочку.

Она стояла на тротуаре, метрах в десяти. Лет шести. Тёмные волосы, две косички. Пальто слишком большое. Смотрела не на дом. Не на фургоны. Не на серых. Прямо на Кирилла. Прямо в глаза. Как будто знала его. Как будто ждала его. Как будто он был единственным, кто мог её увидеть.

Он замер.

Девочка подняла руку. Медленно. Помахала. Не как ребёнок. Как человек, который прощается. Как человек, который знает, что делает. Как человек, который ждал слишком долго.

Кирилл шагнул из арки. Второй шаг. Хотел окликнуть. Спросить, кто она. Почему здесь. Почему смотрит на него. Но она уже повернулась. Пошла — спокойно, не спеша — в переулок. Как будто знала, что он пойдёт за ней. Как будто вела.

Он пошёл за ней.

Переулок пуст. Узкий, тёмный. Высокие стены. Мокрый асфальт. Запах сырости и старого камня. Девочки нет. Он дошёл до конца. Вышел на параллельную улицу. Никого. Прохожие. Машины. Обычная Прага. Обычный день. Обычный мир.

Вернулся.

У четырнадцатого — четвёртый фургон. Серые заканчивали. Один — с планшетом — заметил Кирилла. Посмотрел. Долго. Не враждебно. Оценивающе. Как смотрят на человека, которого не ждали. Которого не должно быть здесь. Которого нет в списке.

Потом поднял руку. Указал на подъезд. Приглашал. Как будто знал: он войдёт. Как будто хотел этого. Как будто это было частью плана. Чьего-то плана. Не его.

Кирилл не двинулся.

Серый пожал плечами. Вернулся к работе. Но перед этим — Кирилл заметил — он улыбнулся. Едва. Уголком губ. Как улыбаются люди, которые знают больше, чем говорят.

12:00. Сектор 4-К. Третий этаж, квартира 12.

Он вошёл. Сам не понял как. Ноги понесли. Дверь подъезда открыта. На лестнице никого. Квартира двенадцатая — соседская, где жила седая женщина, — приоткрыта. Из щели тянуло холодом и озоном.

Внутри пахло грозой. Как после лазера. Как после вспышки. Как после того, чего не должно быть в жилом доме.

Пусто. Мебель вынесена. Голые стены. Выцветшие обои. Паркет с тёмными следами от ножек. И зеркала. Все на месте. До одного. Прихожая. Комната. Ванная. Висели, будто их не тронули. Будто тронуть не могли. Будто боялись.

Кирилл прошёл в комнату. Большое зеркало в резной раме. Старое. Как у него дома. Такое же тёмное. Такое же молчаливое. Такое же ждущее.

У окна стоял человек.

Не в сером. В белом халате. Спиной. В руках — что-то тонкое, серебристое. Плёнка? Лист кварца? Прикладывал к зеркалу. Медленно. Аккуратно. Как хирург. Как священник. Как человек, который знает цену тому, что делает.

— Вы кто? — спросил Кирилл.

Человек обернулся.

Лицо спокойное. Немолодое. Глубокие морщины у рта. Усталые глаза. В руках — кварцевый лист. Тонкий, прозрачный. По краям радужный отлив. Как масляная плёнка на воде. Как память, которую не сотрёшь.

— Чистильщик-9, — сказал он. — Вам здесь не место.

— Дверь была открыта.

— Здесь двери всегда открыты, — сказал Чистильщик-9. — Это часть проблемы. — Взгляд внимательный. Оценивающий. — Вы живёте в этом секторе. Четвёртый этаж. Квартира четырнадцать.

Кирилл не ответил.

— У вас зеркало в прихожей, — продолжил Чистильщик-9. — И в комнате. Большое. С латунной пластинкой.

— Откуда знаете?

— Я их не вижу. Чувствую. Они гудят. Все. Особенно старые. Особенно те, что видели много. — Он повернулся к зеркалу. Приложил кварцевый лист. По стеклу прошла рябь. Изображение на секунду стало жидким. Как вода. Как время. Как память.

— Что вы делаете?

— Глушу. Временно. Кварц перекрывает кварц. Свежий слой поверх старого забирает резонансы. На несколько дней. Потом снова.

— Резонансы? — Кирилл шагнул ближе. — Вы про отражения?

Чистильщик-9 обернулся. В глазах впервые — интерес. Настоящий. Не профессиональный. Человеческий.

— Вы видели, — сказал он. Не вопрос.

— Что видел?

— Отражение, которое не совпадает. Задержку. Лицо, смотрящее не туда, куда смотрят глаза. — Пауза. — Детский плач.

Кирилл молчал. Сердце билось. Где-то в горле. Где-то в висках.

— Это называется индекс правдоподобия, — сказал Чистильщик-9. — Чем выше, тем сильнее отражение отличается от оригинала. Ноль — зеркало как зеркало. Единица — зеркало уже не отражает. Показывает. Своё.

— Своё что?

— Своё.

Он снова повернулся к зеркалу. Провёл рукой по раме. По дереву. По трещинам. Как будто читал. Как будто слушал.

— В этом доме три пациента с высоким индексом, — ровно. — Второй этаж, женщина сорок восемь лет. Индекс 0,7. Видит сестру, умершую в девяносто втором. Сестра разговаривает. Даёт советы. Женщина перестала выходить из дома. Говорит, сестра не велит.

Кирилл сглотнул.

— Третий этаж, мужчина тридцать два года. Индекс 0,8. Отражение самостоятельно. Живёт отдельно. Он видел, как оно уходит из зеркала, пока сам остаётся в комнате. — Пауза. — Пожилая женщина. Та, в окне. Индекс 0,9. Самое опасное. Выше 0,9 начинается... — подыскивал слово, — ...переселение.

— Переселение?

— Тот, кто в зеркале, становится главным. Тот, кто снаружи, — отражением. — Чистильщик-9 снял лист. Положил в кейс. — Индекс единица. Тогда мы уже не помогаем. Тогда мы уходим. Тогда приходят другие.

— Какие другие?

— Те, кто не помогает. Те, кто стирает. — Он посмотрел на Кирилла. Прямо. Долго. — Вас нет в списке.

— Как — нет? Я живу в этом доме. Я...

— В моём списке четырнадцать квартир, — сказал Чистильщик-9. — В четырнадцатой указан другой жилец. Другой человек. Не вы.

Кирилл замер. Слова вошли медленно. Как холод. Как стекло под кожу.

— Что значит «другой человек»?

— Не знаю. — Чистильщик-9 закрыл кейс. — Но если вы видите то, что не положено человеку, которого нет в списке, — я бы домой не возвращался.

Он пошёл к двери. У порога обернулся.

— И датчик влажности выключите, — сказал он. — Он вас выдаёт. Передаёт данные. И то, что он передаёт, — не влажность.

Дверь закрылась. Кирилл остался один. В пустой квартире. С зеркалами. С озоном. С холодом. С правдой, которая не помещалась в голову.

Он вышел на улицу. Дождь. Мелкий, серый, пражский ноябрьский. От такого капюшон не спасает. От такого зонт не спасает. От такого только правда спасает. А правды у него не было. Были вопросы. И страх. И девочка с косичками, которая помахала ему рукой. И зеркало, которое ждало дома. И датчик, который передавал не влажность.

Телефон завибрировал.

Сообщение. Неизвестный номер. Без текста. Видеофайл.

Открыл.

Десять секунд. Дёрганая запись. Снято с руки. Светлая комната. Стол. Двое. Женщина с короткими тёмными волосами. Ида Хираоки. Сидит. Что-то говорит. Смотрит в камеру. Спокойно. Уверенно. Как человек, который знает, что говорит.

За спиной — зеркало.

Кирилл смотрел на отражение Иды. Двигалось в такт. Губы шевелились. Синхронно. Правильно. Идеально.

А потом отражение моргнуло.

Ида не моргала.

Отражение моргнуло. Посмотрело в камеру — прямо, сквозь плечо настоящей Иды. Улыбнулось. Медленно. Как человек, который знает секрет. Как человек, который ждёт. Как человек, который победил.

Видео оборвалось.

Кирилл стоял под дождём. Телефон в руке. Капли стучали по экрану. Он смотрел в тёмный прямоугольник, где больше ничего не было. Только его отражение. Бледное. Испуганное. Живое.

Второе сообщение. Текст.

****«Ты следующий. Но тебя нет в списке. Поэтому тебя сотрут»**.**

Номер незнакомый. Кирилл перезвонил.

«Аппарат абонента выключен».

Он опустил руку. Телефон мокрый. Пальцы мокрые. Лицо мокрое. Дождь. Или слёзы. Он не знал. Он вообще ничего не знал. Только одно: дома его ждёт зеркало. И девочка. И правда. Которая, может быть, убьёт его. А может быть — спасёт.

Он пошёл домой.

Под дождём. Под серым небом. Под тяжестью того, что узнал. Под взглядом девочки, которая смотрела ему вслед. Из переулка. Из отражения. Из кварцевого слоя. Из ниоткуда.

Он не обернулся. Знал: если обернётся — увидит. Если увидит — запомнит. Если запомнит — уже не забудет. А забыть сейчас было бы милосердием. Которого он не заслужил.

Глава 4.

Дождь стал сильнее.

Кирилл стоял на тротуаре. Сжимал телефон. На экране — ничего. Ни видео, ни сообщений. Только тёмный прямоугольник. В нём — его лицо. Бледное. Мокрое. Чужое. Он смотрел на него — и снова не мог запомнить. Нос, глаза, линию подбородка. Всё ускользало. Как вода сквозь пальцы. Как имя, которое вертится на языке. Как жизнь, которую не жил.

Ты не в списке. Поэтому тебя сотрут.

Он поднял голову. У четырнадцатого серые заканчивали погрузку. Один — с планшетом — стоял у фургона. Смотрел прямо на Кирилла. Спокойно. Без злобы. Как смотрят на строчку в документе. Которую надо исправить. Как смотрят на опечатку. На ошибку. На то, чего не должно быть.

Кирилл побежал.

Не к дому. Не от дома. Просто побежал. В переулок. В сторону Комарова. Куда угодно — лишь бы не на открытом месте. Погони за спиной не слышал. Криков не слышал. Только дождь и своё дыхание. Только сердце в горле. Только страх в лёгких.

Но чувствовал. Фургоны разворачиваются. Серые двигаются. Планшет в чьей-то руке мигает. Коротко. Ритмично. Три. Три. Три.

SOS. Или приказ.

Он свернул в арку. Проходной двор. Второй. Третий. Прага — лабиринт, если знать дорогу. Кирилл знал. Полтора года. Полтора года бессонных прогулок. Все проходы от Жижкова до Виноград. Все арки. Все тупики. Все двери, которые открываются. Все, которые не открываются. Он знал этот город лучше, чем себя. Может, потому что себя он не знал вообще.

Вышел на параллельную улицу. Оглянулся. Никого.

Потом услышал. Низкий гул. Не двигатель. Другое. Будто воздух вибрировал. Будто стены вибрировали. Будто сам мир дрожал под тяжестью чего-то, что не должно существовать.

Он посмотрел на окна. В одном — на втором этаже дома напротив — женщина. Молодая, растрёпанная. Смотрела на своё отражение в стекле. Отражение смотрело на неё. И оба — женщина и отражение — плакали. Синхронно. Медленно. Как будто прощались. Как будто знали, что больше не увидятся.

Кирилл отвернулся. Побежал дальше.

14:20. Вентиляционная шахта. Дом на Соколовской.

Как он здесь оказался — не помнил.

Помнил: вбежал в подъезд. Чужой дом. Незнакомая лестница. Запах сырости и кошачьей мочи. Поднялся. Толкнул дверь на технический этаж. Пыль. Ржавчина. Решётка вентиляции — большая, болты ослабли. Оторвал руками. Боли не чувствовал. Кожа на ладонях лопнула. Кровь смешалась с ржавчиной. Всё равно.

Сейчас полз по шахте.

Узкой. Тёмной. Металлической. Каждый метр — царапины на локтях, пыль в лёгких, глухой звук дыхания. Вперёд. Назад нельзя. Назад — серые. Фургоны. Зеркала. Назад — жизнь, которой не было. Вперёд — тьма, которая, может быть, тоже не была жизнью. Но была хоть какой-то.

Шахта повернула. Ещё раз. Пошла вниз. Кирилл сползал, тормозя ладонями о металл. Думал об одном: куда ведёт. И о другом: кто он. И о третьем, самом страшном: а есть ли разница.

Остановился.

В темноте впереди что-то двигалось.

Маленькое. Быстрое. Шорох когтей. Кирилл замер. Крыса. Обычная пражская. Здесь их тысячи. В подвалах, в шахтах, в стенах. Она прошла мимо — тело скользнуло по ноге, тёплое, живое, — и остановилась.

Повернулась.

В темноте он её не видел. Но чувствовал взгляд. Слишком осмысленный. Слишком внимательный. Слишком человеческий для крысы.

А потом она заговорила.

— Кирилл.

Голос детский. Тонкий. Прерывистый, как плохая радиосвязь. Но отчётливый. Каждое слово — как капля стекла. Чистое. Холодное. Знакомое.

Он отшатнулся. Затылок ударился о стену шахты. Боль вспыхнула и погасла. Как всё в его жизни.

— Кирилл, — повторила крыса. — Не бойся. Это я. Эви.

Голос. Он узнал. Тот самый плач из зеркала. Только теперь — слова. Тот же тембр. Та же интонация. Та же девочка. Только раньше она плакала. Теперь говорила.

— Ты... — не выговорил. — Ты не крыса.

— Я не крыса, — согласилась она. — Я в крысе. Точнее, в её нейросенсоре. Институт ставит их на животных. Для мониторинга. Я нашла одну. Подключилась. Так проще говорить. Люди в сером не слушают крыс. Никто не слушает крыс. Это удобно.

Кирилл молчал. В темноте — только собственное сердце. Только дыхание. Только металл вокруг.

— Ты меня не помнишь, — сказала Эви. — Это нормально. Ты вообще ничего не помнишь. Только то, что разрешено. Только то, что вложили. Только то, что зеркало запомнило.

— Кто ты?

Пауза. Долгая. В темноте — только шорох крысиных лап по металлу.

— Я — это ты, — сказала она. — Наоборот.

— Что это значит?

— Ты — отражение, — сказала Эви. Голос ровный. Без эмоций. Но в нём — усталость. Взрослая усталость в детском голосе. Голос девочки, которая прожила слишком долго. Голос девочки, которая видела слишком много. — Отражение в кварцевом слое. То, что зеркало запомнило. То, что оно показывает вместо меня.

Кирилл сжал кулаки. Металл холодный. Кожа на костяшках лопнула. Кровь. Боль. Всё равно.

— Врёшь.

— Нет.

— Мне двадцать пять. Есть квартира. Работа. Прошлое. Я помню...

— Что? — перебила она. — Лицо помнишь? Своё? Каким был в детстве? Мать помнишь? Не фотографию. Лицо. Улыбку. Голос. Помнишь, как она тебя называла?

Он замолчал.

— Мать помнишь, — тише. — Женщину с усталыми глазами. Тёмные волосы. Пучок. Пальто. Сумка. Ты видел её в зеркале. Это моё воспоминание, Кирилл. Не твоё. Я поделилась. Зеркало запомнило. А теперь показывает тебе. Чтобы ты думал, что живой.

— Бред.

— Кварц. — Пауза. — Зеркало в твоей квартире стояло в прихожей моей квартиры. Мне было шесть. Оно запомнило всё. Мать. Людей в чёрном. Меня. Запомнило меня. Через девять лет решило, что я — это оно. Создало тебя. Из моего отражения. Из воспоминания обо мне. Ты — не человек. Ты — память. Память зеркала о девочке, которой больше нет.

Кирилл закрыл глаза. Темнота стала ещё темнее. Внутри — пустота. Как в зеркале. Как в кварцевом слое. Как в жизни, которой не было.

— Почему ты так выглядишь? — спросил он. — Тебе шесть.

— Мне пятнадцать, — сказала она. — Выгляжу как тогда. Так меня запомнило зеркало. А зеркало помнит не время. Момент. Момент, когда я смотрела в него и боялась. Момент, когда мать увели. Момент, когда я осталась одна. Зеркало запомнило страх. И создало тебя из страха. Ты — моё отражение. Моя копия. Моя тень.

— Где ты сейчас?

Пауза. Долгая. Слишком долгая. В темноте — только дыхание. Только сердце. Только металл.

— Внутри, — наконец. — В кварцевом слое. В зеркале. Выйти не могу. Пока ты снаружи — я внутри. Пока ты ходишь по Праге, дышишь, ешь, спишь — я отражаюсь. Настоящей стать не могу, пока ты не станешь отражением.

Кирилл открыл глаза.

— Хочешь меня заменить.

— Хочу вернуться, — сказала Эви. — Я не просила создавать тебя. Не просила, чтобы зеркало решило, что я — это оно. Я просто девочка, которая смотрела в стекло девять лет назад. А потом мать увели люди в чёрном. А потом я осталась одна. В темноте. В холоде. В отражениях. Девять лет. Одна.

— Люди в чёрном? — нахмурился. — Мать забрали?

— Да, — сказала Эви. — В тот вечер. Когда я увидела первое живое отражение. Она знала, что так будет. Предупреждала не смотреть. Я не послушала. Дети не слушают. Дети смотрят. Дети видят. Дети запоминают. А потом остаются одни.

Тишина.

— Кирилл, — сказала она. — Идут.

Он услышал. Далеко позади, в шахте. Металлический звук. Ритмичный. Шаги по вентиляции. Не один. Трое. Может, четверо. Тяжёлые ботинки. Слаженные движения. Профессионалы.

— Вперёд, — сказала Эви. — Там выход. Покажу.

Крыса — или то, что говорило её голосом, — рванула по шахте. Кирилл пополз. Царапал руки. Разбивал колени. Боли не чувствовал. Только страх. Только голос девочки в голове. Только память, которой не было.

Шаги приближались.

Тяжёлые ботинки. Металлический лязг. Шипение рации. Серые умели двигаться быстро. Слишком быстро. Они знали шахты. Знали ходы. Знали всё, чего не знал он.

— Левее, — сказала крыса. — Поворот. Потом вниз.

Свернул. Шахта сузилась. Едва протиснулся. Плечи застряли на секунду. Прошли. Что-то рвалось — куртка, кожа, всё равно. Дальше. Вниз.

— Эви, — задыхаясь. — Если ты настоящая... если ты снаружи... как говоришь со мной?

— Через нейросенсор. И через зеркала. Их много. В каждом доме. В каждой квартире. Связаны. Кварцевый слой — как провода. Могу говорить. Выйти не могу.

— А я?

— Ты — можешь, — сказала она. — Поэтому тебя и создали. Чтобы выйти. Ходить. Жить. Пока я заперта. Ты — мои руки. Мои ноги. Мои глаза. Ты — то, чем я хотела бы быть. Но не могу. Пока ты жив — я мертва. Пока ты дышишь — я задыхаюсь. Пока ты смотришь — я отражаюсь. Всё просто.

Впереди — свет. Решётка. Выход.

Кирилл рванул. Ударил руками. Металл поддался. Вывалился наружу — в узкий дворик. Ящики. Мусор. Дождь. Свежий воздух. Небо. Серое. Низкое. Настоящее.

Поднялся. Обернулся.

Из решётки вылетела крыса. Маленькая. Серая. Блестящая точка на затылке — нейро-сенсор. Села на ящик. Посмотрела. Глаза чёрные. Бусины. Но в них — что-то человеческое. Что-то детское. Что-то, что смотрело на него сквозь крысиный череп.

— Выйдут через минуту, — сказала Эви её голосом. — Иди. Не домой. Не в мастерскую. Они знают адреса.

— Куда?

— К Влтаве. Старый причал. Заброшенный. Два часа. Потом район перекроют.

Кирилл смотрел на крысу. Маленькое серое тело. Голос девочки из зеркала. Голос памяти. Голос того, чего не было.

— Почему помогаешь? — спросил он. — Если я — твоё отражение. Если хочешь меня заменить.

Пауза. Дождь стучал по ящикам. По крыше. По плечам. По лицу.

— Потому что ты — это я, — сказала Эви. — Наоборот. И потому что я девять лет была одна. В стекле. Среди воспоминаний. Ты — первое, что зеркало создало. Первое, что похоже на меня. Не хочу, чтобы стёрли.

Помолчала.

— Даже если потом придётся занять твоё место.

Из решётки — звук. Лязг. Голоса. Близко.

— Беги, — сказала Эви. — Влтава. Причал. Найду.

Крыса сорвалась с ящика. Исчезла в щели между домами. Только хвост мелькнул. Только тень осталась. Только голос в голове.

Кирилл побежал.

За спиной, во дворе, распахнулась дверь. Не обернулся. Слышал шаги — быстрые, слаженные. Кто-то кричал в рацию. Планшет мигал зелёным. Кто-то отдавал приказы. Кто-то выполнял. Машина. Люди. Система. Всё работало. Всё двигалось. Всё было против него. Одного. Отражения. Ошибки. Опечатки в списке.

Он бежал через дворы. Арки. Улицы. Мимо зеркальных витрин. Мимо окон. Мимо луж, в которых отражалось небо. Мимо луж, в которых отражалось что-то ещё. Что-то, что смотрело. Что-то, что ждало. Что-то, что знало его лучше, чем он сам.

И в каждой луже, в каждом стекле, в каждой капле — он видел себя.

Или не себя.

Девочку с косичками. Женщину в пальто. Людей в сером. Тени. Отражения. Память. Всё, что было. Всё, чего не было. Всё, что ещё будет.

Он бежал. Дождь хлестал по лицу. Влтава ждала. Причал ждал. Девочка ждала. Девять лет ждала. Теперь — он бежал к ней. К своему отражению. К своей смерти. К своей жизни. К тому, что он никогда не поймёт. К тому, что он уже понял.

Он — не человек. Он — память. Память зеркала о девочке, которой больше нет.

Но память — это тоже жизнь. Пока помнят — живёшь. Пока отражаешься — существуешь. Пока смотришь в зеркало — оно смотрит в ответ.

Он бежал. И в каждой луже, в каждом стекле, в каждой капле — девочка с косичками бежала рядом. Или внутри. Или вместо.

Глава 5.

Сначала пришёл холод.

Не тот, что на улице. Не ноябрьский. Иной. Ровный. Стерильный. Искусственный. Такой стоит в операционных. В моргах. Там, где человек перестаёт быть человеком. Становится объектом. Там, где тело — материал, память — данные, а жизнь — строчка в чужой папке. Холод этот не трогал кожу. Он проникал глубже. В кости. В кровь. В мысли. Как будто кто-то выключил внутренний обогрев. Как будто душу поставили на паузу.

Кирилл разлепил глаза.

Потолок. Белый. Ровный. Ни пятнышка. Ни трещинки. Лампы — длинные, в панелях. Свет мягкий. Но настойчивый. Не спрятаться. Не отвернуться. Он лежал на спине. Руки вдоль тела. Ноги вытянуты. Одежда чужая — тонкая хлопковая рубашка, такие же штаны. Надето после обыска. Босиком. Пол холодный. Кафель. Серый. Чистый. Без единого шва. Как будто его никогда не касались.

Попробовал двинуться.

Ремни.

Широкие. Кожаные. Мягкие. Запястья. Щиколотки. Ещё один — через грудь. Не тугие. Надёжные. Такие не боль причиняют. Такие — не дают мешать. Такие — для тех, кто ещё может дёргаться. Для тех, кто ещё не смирился.

Голову повернул.

Комната белая. Пол. Стены. Потолок. Окон нет. Дверей — не сразу нашёл. Кушетка. Металлический столик у стены. На столике поднос. Молоточек. Фонарик. Что-то блестящее. Лупа? Скальпель? Он не хотел знать. Не хотел смотреть. Но смотрел. Как смотрят на край пропасти. Как смотрят на то, чего боятся. Как смотрят в зеркало, которое может ответить.

Зеркало.

Напротив. Большое. Рама простая. Металл. Белое. Стерильное. Отражалась кушетка. И он. Кирилл. Привязанный. Бледный. Маленький. Как экспонат. Как образец. Как строчка в чужой папке.

Отражение — синхронное. Пока.

Дверь — нашёл. Слева. В стене. Почти сливалась с панелями. Без ручки. Без таблички. Без номера. Открылась. Бесшумно. Как будто стена решила стать дверью. Как будто стена устала притворяться.

Женщина.

Медсестра. Халат. Тапочки. Шапочка. Всё белое. Сорок лет. Лицо гладкое. Ни морщинки. Ни веснушки. Ни родинки. Глаза светлые. Почти прозрачные. Как стекло, которое ещё не решило, что показывать. Как человек, который ещё не решил, человек ли он.

Подошла. Сверху вниз посмотрела. С подноса взяла фонарик. Движения ровные. Выверенные. Как у робота. Как у человека, который делал это тысячу раз. Как у человека, который не чувствует.

— Добрый день. Сестра Марта. Центр коррекции, сектор 4-К. Ремни не трогайте. Бесплезно. Седативных прибавится. Не нужно вам это.

Сглотнул. Горло сухое. Как в пустыне. Как в кварцевом слое. Как в жизни, которой не было.

— Где я?

Хрипло. Будто молчал долго. Будто кричал. Будто забыл, как говорить.

— В Центре коррекции. Задержаны вчера. 15:40. Район Влтавы. Документов нет. Профиль в базе отсутствует. — Помолчала. — Нестандартная ситуация.

Фонарик — в левый глаз. Потом в правый. Зажмурился. Свет резанул. Как будто в мозг. Как будто в память. Как будто в то, что от него осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.